

Алексей Обухов

УМЕНЬШЕНИЕ ЯДЕРНОЙ ОПАСНОСТИ И БЕЛЛЕТРИСТИКА РИЧАРДА ПЕРЛА

Ричард Перл — бывший популярный антигерой советских и российских СМИ на рубеже 1990–2000-х гг. Убежденный американский неокон, его репутация в СССР была хуже некуда, а в постсоветской России негативное отношение к Перлу даже обострилось.

Он получил известность в бытность советником ныне покойного сенатора Генри Джексона, который сделал карьеру на критике первых советско-американских договоренностей по ОСВ, а также в качестве соавтора печально известной и лишь недавно отмененной поправки Джексона–Вэника. В дальнейшем, оказавшись на посту заместителя министра обороны по вопросам международной безопасности, Ричард Перл возглавил пропагандистскую кампанию: он пытался доказать, что Договор по противоракетной обороне (ПРО) якобы допускает разработку и испытания противоракетных средств космического базирования. *Широкое* толкование Договора легло в основу провозглашенной в 1983 г. Стратегической оборонной инициативы (СОИ), направленной на подрыв ограничений в этой области.

Для неоконсерватизма Ричарда Перла характерна густая идеологическая зашоренность и антикоммунизм в духе Роберта Страуса-Хюпе или Джеймса Бернхема, крупных политологов послевоенных десятилетий. Отсюда мрачноватое прозвище, присвоенное Перлу американскими журналистами, — *князь Тьмы (Prince of Darkness)*.

ПОЕДИНОК С КНЯЗЕМ ТЬМЫ

В начале 1987 г. наряду с выполнением обязанностей заместителя руководителя делегации СССР на женевских советско-американских переговорах по ядерным и космическим вооружениям (ЯКВ) мне было поручено провести переговоры по учреждению в Москве и Вашингтоне Центров по уменьшению ядерной опасности (ЦУЯО). Получилась необычная организационная схема — переговоры по Центрам внутри переговоров по ЯКВ.

В тот момент я не мог предположить, насколько неудобным может оказаться мой американский партнер. Когда в таком качестве прозвучало имя Ричарда Перла, в кулуарах высотного здания на Смоленской площади это было единодушно истолковано как признак нежелания Вашингтона вести дело к договоренности в унисон с буксующими обсуждениями по вопросам ядерных и космических вооружений.

Однако предаваться тяжелому раздумью было некогда — от нас ждали результативной работы. Про себя я рассудил, что отчаиваться не стоит, поскольку это

Ы
Ц
И
Р
Н
О
С
Т
И
С
Т
И
К

все-таки не права человека с их неудобством и скандальностью для традиционной дипломатии, а конкретный и в значительной мере технический предмет.

Первыми идею создания ЦУЯО озвучили и стали продвигать американские сенаторы Сэм Нанн и Джон Уорнер, и еще в Женеве в ноябре 1985 г. президенты М. С. Горбачев и Р. Рейган условились, чтобы возможность практического осуществления проекта была изучена на уровне экспертов. В ноябре 1986 г. на встрече в Рейкьявике было выражено удовлетворение достигнутым продвижением и условлено приступить к официальным переговорам.

ЦУЯО относятся к разряду мер доверия. Необходимость их внедрения в практику межгосударственных отношений возникла из атмосферы подозрительности и вражды — неотъемлемых ингредиентов холодной войны, помноженных на угрозу взаимного уничтожения.

Многоканальная надежная связь между Москвой и Вашингтоном в послевоенные годы сложилась не сразу. Потребовались встречные усилия (интеллектуальные и психологические), чтобы, преодолевая предрассудки конфронтации, выходить на решения, продиктованные здравым смыслом и инстинктом самосохранения. К тому же ядерное оружие не уместилось в рамках классической формулы фон Клаузевица о войне как о продолжении политики иными средствами. В итоге необходимость поддержания стабильности в условиях гонки вооружений и концепции взаимного гарантированного уничтожения привела к созданию надежной быстродействующей системы связи для обмена информацией объективной необходимостью, а толчком к созданию этой системы стал Карибский кризис 1962 г.

Позднее СССР и США договорились о серьезной модернизации *горячей линии* в рамках Соглашения о мерах по усовершенствованию линии прямой связи СССР–США от 30 сентября 1971 г. и Меморандума о взаимопонимании о линии прямой связи СССР–США от 17 июля 1984 г.

Центры по уменьшению ядерной опасности были призваны радикально расширить сотрудничество двух стран в этой сфере, не вмешиваясь в уже сложившиеся линии связи. Однако, несмотря на благоволение со стороны руководителей СССР и США, в Москве в сложившихся конкретных исторических условиях не все одобряли идею Центров. Критики считали ее несвоевременной, поскольку в начале 1987 г. все еще отсутствовали ясные перспективы в отношении заключения договоров по стратегическим наступательным вооружениям (СНВ) и ракетам средней и малой дальности (РСМД).

В сущности критики воспроизводили одну из заповедей советской концепции разоружения: сначала конкретные меры ограничения и сокращения ядерных арсеналов, а потом договоренность о мерах доверия, согласование каналов и способов для передачи информации. Довод в пользу такого подхода гласил: сколько ни опутывай нацеленные друг на друга советские и американские ракеты телефонными проводами, по которым стороны сообщали бы те или иные сведения об этих вооружениях, легче от этого не станет, тяжесть ядерной угрозы, нависшей над миром, не уменьшится.

Логика доходчивая, но не без изъяна, поскольку полезность мер доверия, к коим относятся *телефонные провода*, очевидна, особенно когда необходимо оперативно прояснить непредвиденную кризисную ситуацию, чтобы избежать развития по наихудшему и необратимому сценарию. Наличие под рукой надежной *горячей линии* — существенный фактор поддержания душевного равновесия и стратегической стабильности.

Другое дело — актуальность включения вопроса о Центрах в повестку ведущихся переговоров между сверхдержавами. В наступившем 1987 г. центральное место занимала проблематика РСМД и СНВ. Не отвлекут ли Центры внимание от главного? Не будут ли предприняты попытки замаскировать неудачу на ключевых направлениях продвижением по частному, заведомо второстепенному аспекту?

Одержала верх точка зрения, согласно которой пока наблюдающееся отсутствие прогресса в деле достижения договоренностей по ограничению ядерных вооружений не должно блокировать согласование позиций по мерам доверия: по учреждению ЦУЯО. В случае успеха это был бы шаг в нужном направлении. Дипломатия — наука тонкая: даже *миллиметровые* сдвиги в конечном итоге могут сыграть заметную роль в достижении договоренностей по крупным вопросам.

Итак, стратегическая установка была определена: переговоры об учреждении ЦУЯО вести, не дожидаясь завершения работ по договорам по РСМД и СНВ, разумеется, без ущерба для усилий по этим двум приоритетным линиям.

Встреча с делегацией Ричарда Перла в Женеве прошла в январе 1987 г. Пожелания Перла и его напарника, специального помощника президента США Роберта Линхарда, в отношении формата дискуссий не противоречили нашим намерениям. Американские представители высказались за то, чтобы работать в Женеве короткими сессиями продолжительностью в один или два дня. Это означало, что основная нагрузка переносилась на межсессионный период, когда стороны занимались бы подготовкой предложений, ведущих к компромиссным развязкам. Мы приняли предложенный американскими коллегами напористый рабочий ритм, впереди маячил огромный пакет проблем, связанных с переговорами по ЯКВ.

Готовя презентацию советской позиции на первом раунде, мы стремились провести мысль о том, что коль скоро речь идет об уменьшении ядерной опасности, первостепенное значение в этом контексте будут иметь договоренности, которые предстоит согласовывать в рамках переговоров по ЯКВ: о решении проблемы СНВ и соблюдении Договора по ПРО. С нашей стороны, по сути, предлагалось в Соглашении по Центрам подчеркнуть идею взаимосвязи между практическими шагами в области ограничения вооружений и мерами доверия. Тем самым были бы учтены замечания скептиков о бесполезности *опутывания* межконтинентальных баллистических ракет (МБР) телефонными проводами.

Реакция американских коллег была предсказуема. Они выступили за то, чтобы в договоренности по Центрам не затрагивать перспективу ведущихся переговоров по ограничению СНВ и РСМД, а сосредоточиться на вопросах обмена информацией, в том числе в областях, где такие обмены уже осуществляются.

Стремительный — всего один рабочий день! — январский раунд переговоров по Центрам оказался *пристрелочным*. Он подтвердил, что по сугубо техническим аспектам у специалистов затруднений не возникает, а вот в политике все было сложнее. Из обмена мнениями стало ясно, что из разоруженческого контекста вопрос о Центрах извлечь, конечно, невозможно, но непосредственно, хотя и путем словесных увязок, нагружать его проблематикой переговоров по ЯКВ в равной мере непродуктивно.

В Москве во время рабочего перерыва, заполненного подготовкой к внесению проекта Договора по РСМД, была выкроена возможность для корректировки подхода по Центрам. После согласования поправок с руководством МИД, Минобороны и КГБ был составлен текст заявления для второй встречи с делегацией США.

В феврале 1987 г. за рамками переговоров Ричард Перл в очередной раз проявил себя как публичный политик. Выступая на конференции в Мюнхене, он раскритиковал идею безъядерного мира и обрушился на западных деятелей, которые отнеслись положительно к советским инициативам в области разоружения¹. При этом, по мнению Перла, «большинство профессионалов-разоруженцев демонстрирует стремление к достижению договоренности во имя договоренности», то есть видят в ней самоцель².

Словом, в Мюнхене Перл подтвердил репутацию *ястреба*. Оставалось удостовериться, как это может сказаться на его поведении за столом переговоров. Что

перевесит в американской позиции: стремление достичь взаимоприемлемого согласия или желание показать новую жесткость?

Второй раунд переговоров по Центрам прошел в Женеве 4–5 мая 1987 г. Текст нашей новой презентации был максимально приближен к формулировкам возможного проекта соглашения. По результатам диалога, начавшегося в январе, мы высказались за включение в преамбулу формулировки о цели учреждения Центров: сделать шаг в направлении уменьшения, а в конечном итоге устранения риска возникновения ядерной войны, в том числе из-за неверного истолкования, ошибки или несчастного случая.

В преамбуле следовало бы подтвердить взаимопонимание о том, что в ядерной войне победить невозможно и она должна быть исключена. Также было бы полезно констатировать, что соглашение о мерах по уменьшению опасности возникновения ядерной войны служит интересам укрепления международного мира и безопасности.

Вопрос о характере информации, передаваемой через Центры, следовало бы осветить в протоколе к соглашению. Конкретно речь могла бы идти о передаче уведомлений о пусках баллистических ракет в соответствии со статьей IV Соглашения о мерах по уменьшению риска возникновения ядерной войны между СССР и США от 30 сентября 1971 г. и статьей VI (пункт 1) межправительственного Соглашения между СССР и США о предотвращении инцидентов в открытом море и в воздушном пространстве над ним от 25 мая 1972 г. В последнем случае имелась в виду передача извещений и предупреждений мореплавателям, как правило, не менее чем за 3–5 суток, а также передача оповещений о действиях в открытом море, которые представляют опасность для мореплавания или полетов самолетов.

Мы также выступили за то, чтобы в будущем список уведомлений, передаваемых через Центры, можно было изменить по взаимному согласию, по мере того как будут достигнуты соответствующие новые договоренности. Забегая вперед, следует отметить, что положение на этот счет вошло в текст статьи II Соглашения о Центрах и во многом предопределило его жизнеспособность и полезность для сторон. А ведь именно вопрос о соотношении Соглашения о Центрах с будущими договорами по ограничению и сокращению ядерных вооружений был камнем преткновения на переговорах.

Таким образом, в своем заявлении мы постарались не в ущерб эффективности будущих договоренностей по Центрам учесть некоторые из возражений Ричарда Перла. И тут на заседании возникла ситуация, беспрецедентная для советско-американских переговоров по разоруженческой тематике. Прослушав мое представление и уловив смысл реализованных в нем подвижек по сравнению с январским раундом, Перл, не прибегая к традиционному приему задавания уточняющих вопросов, вымолвил только одну фразу: «Я согласен со всем, что вы только что сказали». Минимализм дипломатии неоконсерватора, краткость — сестра таланта.

Из осторожности и осмотрительности, ставших на переговорах с американскими коллегами в Женеве второй натурой, я не стал хлопать в ладоши по поводу комментария Ричарда Перла и решил проверить собственные ощущения, а заодно устойчивость взглядов партнера. Чуть медленнее, с расстановкой я воспроизвел основные пункты нашего заявления. Перл не перебивал и был по-прежнему немногословен: «Я подтверждаю сказанное мной ранее по поводу представленной советской позиции. Можно констатировать согласие сторон по вопросу о создании ЦУЯО. Остается положить достигнутое взаимопонимание на бумагу и провести сверку договорных текстов». Что и было сделано.

В порядке доработки мы предложили в заголовке соглашения не использовать алармистское и в данном случае претенциозное выражение *опасность ядерной войны*, заменив его более подходящим словосочетанием *ядерная опасность*. О *войне* в заголовке поминать не хотелось, а Перл не возражал. Название для

создаваемых в столицах новых учреждений было сформулировано окончательно — ЦУЯО.

Работа делегаций завершилась без шампанского — во всем пуританская строгость. В черных, как ночь, глазах Ричарда Перла не зажглось ни единого нового огонька. *Князь тьмы* демонстрировал невозмутимость.

У меня был резон испытывать удовлетворение. Накануне во второй половине апреля на переговорах по ЯКВ нами был внесен проект Договора по ракетам средней дальности, что открывало путь для предметной работы по согласованию его текста. И вот теперь готовый, подтвержденный обеими сторонами проект Соглашения по ЦУЯО.

При своей подчеркнутой деловитости и даже сухости на переговорах Ричард Перл по завершении раунда не отказался пообедать в уютном ресторане на улице Паки. Завершение работы делегаций было отмечено бокалом доброго французского *Пино нуар*. Перл аккуратно уходил от комментариев на тему РСМД, не желая отбивать хлеб у послов Кампельмана и Глитмана, поэтому разговор зашел о перспективах ядерного разоружения.

Конфликтность международных отношений, по мнению Ричарда Перла, не позволяет рассчитывать на то, что ядерное оружие перестанет быть предметом вождения политиков, делающих ставку на силовую составляющую. В свою очередь я стремился привлечь внимание к тенденциям в мировом развитии, которые говорят о необходимости совместных усилий для противостояния глобальным вызовам в интересах выживания цивилизации. Рано или поздно противостояние должно уступить место сотрудничеству и перестанет быть преградой ядерному разоружению.

И все же, вслух рассуждал Перл, отказ от ядерного оружия — задача не сегодняшнего дня. В лучшем случае об этом можно будет говорить не ранее второй половины XXI в. Тогда это казалось бесконечно далеким.

Подписание Соглашения между СССР и США о создании ЦУЯО состоялось 15 сентября 1987 г. в ходе торжественно обставленной церемонии на лужайке Белого дома. Церемонию возглавил президент Р. Рейган. Соглашение подписали Э. А. Шеварднадзе и госсекретарь США Дж. Шульц. К тому времени Ричард Перл уже покинул пост заместителя министра обороны США и на церемонию не пожаловал. Говорили, будто он удалился в Калифорнию *зализывать раны* по поводу ухода из Пентагона. Не потому ли Перл так торопил переговоры в Женеве, что стремился завершить дело до своей запланированной отставки? Кто знает.

Некоторое время спустя я встретил Ричарда Перла в Москве, куда он прибыл в составе официальной американской делегации. На мой вопрос, чем он намерен заниматься теперь, Перл отшутился. У одного фермера, сказал он, было несколько породистых бычков-производителей. Чтобы выявить наиболее перспективных, фермер решил устроить конкурс, кто из бычков прыгнет выше. В качестве барьера на стойках поместили бревно и постепенно увеличивали высоту. Во время одной из попыток бычок-ветеран замешкался и больно задел препятствие. Бревно лишило его детородного органа. И что же? С той поры бычок работает на ферме советником-консультантом.

РИЧАРД ПЕРЛ РАСКРЫВАЕТ СВОЙ ЗАМЫСЕЛ

Так случилось, что мои пути-дороги с Ричардом Перлом более не пересекались. Однако у нас оказался общий знакомый — министр иностранных дел Дании Уффе Эллеман-Йенсен. После того как он покинул свой высокий пост, а я служил российским послом в Копенгагене, Уффе передал мне в подарок от Перла его собственноручное литературное творение: роман под названием «Жестким курсом», вышедший в свет несколькими годами ранее³. Это была скорее автобиография

С
Т
Р
А
Н
И
Ц
Ы
И
Р
И
С
Т
И
И

в сочетании с литературным вымыслом. О ЦУЯО в романе ни слова, но две другие основные темы — переговоры по РСМД и советско-американский *саммит* осенью 1986 г. — вызывают интерес.

В книге отсутствуют реальные имена прототипов действующих лиц, о них можно только догадываться. Даты и даже места действительных событий намеренно смещены, но в большинстве случаев намеки достаточно прозрачны. Это относится и к главному герою произведения — заместителю министра обороны по вопросам международной безопасности *Майклу Уотерману*, от чьего имени ведется повествование. Майкл Уотерман и есть сам Ричард Перл. Меланж правды и вымысла, надо полагать, позволяет Перлу свободнее высказываться по чувствительным вопросам американской дипломатии, а также касаться деликатных аспектов Вашингтонской политической кухни.

В романе Ричард Перл в деталях описывает борьбу с *либералами* из государственного департамента в сложном процессе межведомственного согласования позиций для президентского досье. В первую очередь это касается советско-американских переговоров по ограничению ядерных вооружений.

Как явствует из книги, *либерализм* работников госдепа, ратующих за *новую разрядку* в отношениях с Советским Союзом, претит *ястребу* Перлу. В отличие от дипломатов он считал несвоевременным проведение встречи на высшем уровне, поскольку советский лидер пока не предпринял ничего существенного в ответ на заявление американского президента об *империи зла*.

Наихудшим вариантом, говорит Перл устами своего персонажа, был бы необоснованный отход от политики давления на Советы по всем направлениям (военному, идеологическому, политическому) в надежде, что советский генсек превратится в социал-демократа⁴. К тому же в вопросе о советских нарушениях договорных обязательств представителя госдепа, отмечает Перл-романист, ведут себя подобно адвокатам СССР⁵.

По роману, Уотерман-Перл прежде всего *делатель*, чуждый рефлексии практик⁶. Кстати, не эту ли свою склонность к молниеносным, без дипломатического *расусоливания* решениям демонстрировал Перл в ходе Женевских переговоров по Центрам?

Уотерман-Перл убежден в фундаментальной недееспособности профессиональной дипломатии: «Если послушать дипломатов, у вас сложится искаженное представление о мире, хотя бы потому, что они дышат и живут в сфере международных отношений. Дипломаты склонны прослезиться от умиления при виде удачно организованного демарша или впасть в отчаяние из-за неуклюжего отступления от правил протокола. По причине того, что они ежедневно погружены в международные дела, в анализ позиций, занимаемых правительствами, партиями или политическими группировками, в отслеживание голосований в парламентах и перемен министерских постов, в составление проектов коммюнике и официальных заявлений, в проведение семинаров и конгрессов, комитетов и консультаций, они ошибочно полагают, будто мир вращается вокруг дипломатической оси, настолько тонко сориентированной, что малейшее нарушение способно остановить это коловращение»⁷.

Словом, это *хлюпки*, которых одолевает робость, а необходим настрой на преобладание. Разницу в подходах к переговорам со стороны американского министерства обороны и госдепа склонный к размахистым, наступательным акциям Уотерман-Перл формулирует следующим образом: «Вы готовы пойти на ничью... А я хочу победы»⁸.

Беллетристика Перла по эмоциональному настрою, по заточенности на конфликт предстает характерным образцом современного неоконсерватизма, высоко поднимающего хоругвь национализма, шовинизма, тотальной нетерпимости

к иным воззрениям. В этом плане неоконны — явление, по-видимому, интернациональное.

Главного героя и рассказчика в романе Уотермана-Перла распирает гордость по поводу своего авторства *нулевого варианта*, сформулированного в 1981 г. применительно к переговорам о ракетах средней дальности. Он подчеркивал, что *нулевой вариант* дает Вашингтону «некоторое облегчение от демонстраций, протестов и требований полностью отказаться от развертывания, то есть обеспечивает нечто, удовлетворяющее чаяниям людей, и одновременно ставит Советы в положение обороняющегося»⁹.

Таким образом, Перл особо выделял пропагандистский эффект от *глобального нуля*. Еще до начала размещения американских ракет в Европе представилась возможность развернуть пропагандистское жало *нулевого варианта* одновременно по двум линиям: против антивоенного движения в Западной Европе, перехватив у него инициативу, и против СССР, которому этот *нуль* заведомо неприемлем. Последнее объяснялось тем, что советская сторона должна была идти на уничтожение своих развернутых ракет в условиях, когда американские *Першинги* и крылатые ракет только готовились к переброске в Европу.

Получается, что выдвинутый в 1981 г. американский *нулевой вариант* был рассчитан не на договоренность, а на тупик на переговорах, что обеспечивало Вашингтону политико-пропагандистское прикрытие как для подготовки к развертыванию, так и для самого развертывания своих ракет.

Наверное, Перл не слишком преувеличивает, когда пишет в романе, что на меморандуме Уотермана-Перла о *нулевом варианте* шеф Пентагона в восторге от хитроумия своего подчиненного начертал резолюцию: «Это предложение заслуживает быть отмеченным Нобелевской премией мира»¹⁰.

На страницах романа появляется еще один объект для яростных критических атак со стороны Перла — седовласый посол Мур, в котором без труда узнается Пол Нитце. Это уже не насюки автора на *либералов* из госдепа, а самая настоящая *разборка* в стане консерваторов.

Перл негодует по поводу поведения Мура-Нитце во время летних (1982 г.) бесед-прогулок с советским послом Роговым (читай Квицинским) в лесу недалеко от Женевы. Уже через год после объявления президентом США *нулевого решения* посол Мур-Нитце, возмущается Перл, позволил себе обсуждать вариант, согласно которому Вашингтон отказывался бы от развертывания ракет *Першинг-2* при сохранении в Европе крылатых ракет средней дальности в обмен на уменьшение числа развернутых советских ракет *СС-20*.

В описанной в романе склоке с Нитце автор возмущен не тем, что посол допустил возможность пересмотра концепции *нулевого варианта*, а тем, что допускалась перспектива отказа США от размещения своих ракет в Европе. Итак, сам по себе *промежуточный вариант*, то есть своего рода *нуль плюс*, аллергии у Перла не вызывал. Его смущала предложенная Полом Нитце формула сокращений. Вообще появление промежуточных вариантов в политике США объясняется тем, что заложенная в *нулевом решении* возможность полного отказа от развертывания американских ракет средней дальности в Европе со временем многим в Вашингтоне стала казаться невыгодной.

Роман Перла в части, касающейся критики Пола Нитце, является иллюстрацией того, как в Вашингтоне отходили от *глобального нуля*, отдавая предпочтение *промежуточному* решению, лишь бы добиться согласия Москвы на размещение хотя бы части запланированных американских ракет. Следует оговориться, что Ричард Перл был не одинок в Вашингтоне в резких оценках дипломатии Нитце.

Как следует из книги Строуба Тэлбота, посвященной дипломатической карьере Пола Нитце, по поводу некоторых его конкретных предложений во время *лесной прогулки* негодовал заместитель госсекретаря Ричард Бэрт. Он назвал позицию

С
Т
Р
А
Н
И
Ц
Ы
И
Л
Л
Ю
С
Т
Р
А
Ц
И
И
И

Нитце, допуская отказ от развертывания ракет *Першинг-2*, паникой. По свидетельству Тэлбота, это предложение не получило одобрения ни госсекретаря Шульца, ни президента Рейгана.

В результате в марте 1983 г. американская администрация по инициативе Р. Бэрта выступила с *промежуточным* решением. Оно предусматривало, что *нулевой вариант* остается целью переговоров, но тем временем США понизили бы уровень развертывания различных средств в рамках НАТО при сохранении ракет *Першинг-2* в качестве составной их части в обмен на *глобальные* сокращения Советским Союзом ракет *СС-20*¹¹. Согласно роману, позитивной реакции Москвы на зондаж Пола Нитце не последовало. Узнав об этом, Уотерман-Перл вздохнул с облегчением¹².

НЕДОИГРАННАЯ ПАРТИЯ ПОЛА НИТЦЕ

Обстановка вокруг реальных, а не книжных переговоров в Женеве развивалась следующим образом. За оставшееся время до конца 1983 г. договориться по РСМД не удалось. В ноябре США приступили к развертыванию своих ракет в Западной Европе. В ответ СССР *хлопнул дверью*, прервав свое участие в переговорах. Дискуссии возобновились только в 1985 г. в рамках переговоров по ЯКВ.

Думается, есть резон напомнить о некоторых наших оценках эволюции американской политики в связи с *нулевым вариантом*. Ветеран советско-американских переговоров по ядерным вооружениям генерал В. П. Стародубов в своем исследовании пишет «Может быть, Рейгану казалось, что это было справедливое предложение. Однако последующее развитие событий не подтверждает это предположение — внося свой *нулевой вариант*, Рейган менее всего думал о справедливости: он, с одной стороны, работал на западноевропейскую публику, а с другой — очень надеялся, что Советский Союз на обсуждение такого варианта не пойдет. То, что это был лишь пропагандистский маневр, в Москве поняли сразу. Всему миру это стало окончательно ясно лишь через несколько лет, когда практически такой же вариант был предложен советской стороной. США вовсе не обрадовались такому повороту. Наоборот, они начали маневрировать, пытаясь склонить СССР к промежуточному варианту, при котором США могли бы оставить в Европе хотя бы часть своих РСД. Но это было потом. А в конце 1981 г. Рейган и его команда считали, что смогут разместить и ракеты в Европе, и обвинить Советский Союз в нежелании сокращать вооружения»¹³.

Г. М. Корниенко в своих работах прослеживает, как шаг за шагом формировалось советско-американское согласие вокруг подлинного *нулевого варианта*, который в конечном итоге лег в основу Договора по РСМД. Признавая пропагандистский характер первых американских предложений по этой проблеме, он в качестве крупного шага на пути к договоренности выделяет снятие советской стороной требования об учете ядерных вооружений Англии и Франции в ходе встречи М. С. Горбачева и Р. Рейгана в Рейкьявике¹⁴. Последнее вынудило американцев пойти на реальные уступки¹⁵.

По мере наращивания гибкости советского подхода в США таял интерес к *нулевому решению*. Г. М. Корниенко отмечает: «...Надо было видеть, как Вашингтон пытался отбиться от *нулевого варианта*, когда его взяла на вооружение — и вполне серьезно — советская сторона, как американская сторона стремилась склонить нас к *промежуточному варианту*, который позволил бы США сохранить хотя бы часть своих ракет средней дальности в Западной Европе. Только благодаря нашей настойчивости и давлению западноевропейской и мировой, в том числе американской, общественности, Вашингтон в итоге пошел на *нуль*»¹⁶. И дальше он продолжает: «На деле [...] получилось так, что согласие США на реальный, а не пропагандистский *нуль* явилось [...] ответной уступкой — и отнюдь не менее крупной — на наше согласие снять вопрос об учете английских и французских ядерных средств. Не уступили мы в этом вопросе, не было бы договора, как не было бы

его и без согласия США на ноль. [...] Каждая сторона уступила, но уступила ровно столько, сколько было необходимо, чтобы сбалансировать их интересы в данной конкретной сфере»¹⁷.

В мемуарах Ю. А. Квицинского явственно звучит грустно-меланхолическая нота по поводу того, что, казалось, сложившийся *доверительный канал* переговоров с Полом Нитце не был использован должным образом для поиска компромисса. Возобладало недоверие к Нитце, о котором А. А. Громыко как-то заметил: «Он правее самых правых и ни о чем договариваться не хочет»¹⁸.

Интересно, что западногерманские социал-демократы изначально поверили СССР в том, что *нулевой вариант* по ракетам средней дальности абсолютно не приемлем для его безопасности. Однако после принятия Москвой этого *нулевого варианта*, они заявили, что больше никогда не поверят в окончательность ни одной советской позиции и будут полагаться исключительно на свои оценки ситуации¹⁹. Да и о себе Ю. А. Квицинский пишет: «...В ходе всех переговоров я выступал против *нулевого варианта* Рейгана и за учет Англии и Франции. Если я бы стал вдруг доказывать что-то другое, мне бы никто не поверил...»²⁰.

Ю. А. Квицинский объясняет уступчивость Пола Нитце, по поводу которой возмущались Ричард Перл и Ричард Бэрт, ссылкой на предположение, что в свои 75 лет *дед* (прозвище седовласого Нитце среди женевских дипломатов) не хотел бы заканчивать карьеру провалом переговоров²¹. Неожиданная сентиментальность для такого рыцаря холодной войны, как Пол Нитце.

Судя по всему, Ю. А. Квицинский отдал слишком много душевных сил попыткам нащупать формулу решения в оживленных обменах с Полом Нитце в 1983 г. накануне размещения американских ракет в Европе. Посол приводит высказывание Нитце, прозвучавшее только в 1985 г., о том, что Вашингтон был готов ограничиться размещением крылатых ракет только в Англии и на Сицилии, но советская сторона поспешила уйти с переговоров²².

В начале 1987 г. в звонке по телефону из Бонна, где он работал на посту советского посла, Юлий Александрович поинтересовался у меня, не осталось ли отзвук *лесной прогулки* в нашем нынешнем подходе по РСМД. Я ответил, что философия *промежуточного решения* в советской позиции не присутствует.

В центре Европы в ту пору имел место переизбыток ядерных зарядов, порожденный соперничеством ОВД и НАТО. Градус военной конфронтации зашкаливал.

Реализованный в декабре 1987 г. в Договоре по РСМД подлинный, то есть рассчитанный на практическую договоренность, а не на пропаганду, *ноль* решил вопрос размещения американских ракет в Европе — процесс был остановлен и повернут вспять. Был ликвидирован узел острого ядерного противостояния в центре Старого Света, что благотворно сказалось на всей международной обстановке и, по сути, открыло дорогу для Договора по СНВ.

Р. С.: ЦУЯО ВОСТРЕБОВАН

14 декабря 1987 г. Постановлением КПСС и Совета Министров ЦУЯО был учрежден в нашей стране. Вскоре после подписания Соглашения о Центрах я оказался в кабинете министра на Смоленской. В ходе беседы в деликатной форме я затронул щепетильный вопрос о желательности надлежащим образом отметить этот скромный успех в трудной работе в пользу разрядки напряженности и отказа от политики конфронтации. Эдуард Амвросиевич отмахнулся от предложенной идеи как от назойливой мухи. «Мелочь», — проронил министр.

В ту пору во весь рост стоял вопрос о завершении работы над Договором по РСМД. Но как вскоре выяснилось, ввиду огромных объемов передаваемой информации без механизмов ЦУЯО организовано и качественно выполнить обязательства

по РСМД, как и по другим договоренностям в области разоружения, было бы затруднительно, если вообще возможно. Каналы ЦУЯО оказались незаменимы.

Востребованность Центров была подтверждена уже в ходе переговоров М. С. Горбачева и Р. Рейгана в мае-июне 1988 г. в Москве²³. Изначально, по протоколу к Соглашению от 15 сентября 1987 г., на Центр возлагалась только задача обмена заблаговременными уведомлениями о соответствующих пусках баллистических ракет. Потом, как это и предусмотрено Соглашением, Центр стал использоваться в интересах реализации заключенных договоренностей в области ограничения вооружений. Первым таким документом стал подписанный 8 декабря 1987 г. договор между СССР и США о ликвидации РСМД.

Российский ЦУЯО осуществляет контроль реализации и соблюдения более 15 международных договоров и соглашений по сокращению вооруженных сил и вооружений, укреплению мер доверия. Основными из них являются Договор о СНВ, Договор о РСМД, Договор об ОБСЕ, Венский документ по мерам укрепления доверия и безопасности в Европе 1999 г., Договор по открытому небу, соглашения с Китаем о взаимном сокращении вооруженных сил в районе границы и об укреплении мер доверия в военной области.

Через ЦУЯО осуществляется обмен уведомлениями в соответствии с рядом соглашений, в том числе о пусках межконтинентальных баллистических ракет и баллистических ракет подводных лодок, о крупных стратегических учениях, об ограничении подземных испытаний ядерного оружия и подземных ядерных взрывах, о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и его уничтожения и т. д.²⁴

Складывавшаяся система договоренностей по ограничению вооружений, подтачивавшая политику конфронтации, не могла не обогатиться действенным и весьма загруженным ответственной работой механизмом для контроля за соблюдением принимаемых обязательств. По Договору РСМД, например, Центром было подготовлено и проведено более 440 инспекций на объектах США на их территории и на территории западноевропейских стран размещения, обеспечены сопровождение и работа более 770 инспекций США на объектах СССР и России. Для решения указанных задач были организованы обучение и подготовка более 7000 специалистов.

Внушительный объем инспекционной работы был осуществлен по Договору СНВ-1. В частности в соответствии с положениями об обмене телеметрической информацией в США были переданы материалы телеметрии по 175 пускам ракет, обработана и проанализирована телеметрическая информация по такому же количеству пусков американских стратегических ракет²⁵. И это лишь часть задач, которые выполняет Центр. Поэтому сейчас называть российский и американский ЦУЯО *мелочью*, думается, язык не повернется даже у неисправимых скептиков.

В апреле 2011 г. в Вашингтоне состоялся всемирный российский форум, на котором дебатировались вопросы *перезагрузки* российско-американских отношений.

По сообщениям СМИ, разговор получился непростой, временами — острый. Российские представители предьявляли претензии Вашингтону по поводу создания препятствий для развития двусторонних отношений. Не оставались в долгу и американские участники, среди которых выделялся Ричард Перл, выступавший в качестве ведущего эксперта Американского института предпринимательства.

О каких-то успехах в двусторонних отношениях, по его мнению, можно говорить только в области контроля над вооружениями. Перл критиковал Москву за чрезмерную централизацию власти, за отсутствие свободы прессы и несоблюдение законов, ссылаясь в качестве примера на *дело Ходорковского* и *дело Магнитского*. Высказывался Ричард Перл и против отмены поправки Джексона-Вэника. После нескольких энергетических войн, от которых, по мнению Перла, пострадала не только Украина, но и страны Восточной Европы, он заявил, что глупо рассчитывать на поставки энергоносителей из России. Словом, было много риторики,

не уступающей по накалу временам холодной войны²⁶.

Тот факт, что деятель последовательно *ястребиной* политической философии оказался одним из соавторов проекта Соглашения о ЦУЯО, свидетельствует о востребованности мер по укреплению доверия между государствами. Строгая дипломатическая практика даже глубоко идеологизированных политиков вынуждает смирять эмоции и действовать сообразно инстинкциям, а не по наитию.

Подробнее с материалами по ядерному разоружению Вы можете ознакомиться в разделе «Пути ядерного разоружения» на сайте ПИР-Центра по адресу: disarmament.pircenter.org

В последнее время ЦУЯО, казалось, вновь потерялись в потоке сообщений о международной политике. Их возвращение в поле зрения произошло после переговоров президентов В. В. Путина и Б. Обамы на встрече *восемьмерки* в Северной Ирландии в июне 2013 г. К механизму, которым оперируют Центры в России и в США, добавилась новая функция — обмен информацией, необходимой для противодействия агрессии в киберпространстве.

В официальном сообщении *О российско-американской договоренности по мерам укрепления доверия в сфере использования информационно-коммуникационных технологий* от 18 июня 2013 г. указывается, что будут организованы линии связи и обмена информацией о компьютерных инцидентах на нескольких уровнях. Одним из таких уровней будет линия связи между силовыми ведомствами России и США через национальные центры по уменьшению ядерной опасности. Цель такого обмена — взаимное уведомление об атаках на объекты критической информационной инфраструктуры.

Достигнутые договоренности формируют комплексную систему мер доверия между Россией и США в информационном пространстве. В сообщении также подчеркивается, что «установление прямых контактов между конкретными структурами и ответственными лицами в Москве и Вашингтоне предоставит возможность оперативно реагировать на действия злоумышленников и предотвращать возникновение потенциально конфликтных ситуаций в информационной сфере»²⁷.

Решение о заключении Соглашения об учреждении ЦУЯО в Москве и Вашингтоне в сентябре 1987 г. оказалось дальновидным шагом с обеих сторон. 🐘

Примечания

¹ *Красная Звезда*. 1987, 4 февраля. № 28 (19215). С. 3.

² Цит. по: *International Herald Tribune*. 1987, 17 March. P. 4.

³ Richard Perle. *Hard Line*. N.Y.: Random House, 1992.

⁴ *Ibid.* P. 36.

⁵ *Ibid.* pp. 11, 40.

⁶ *Ibid.* P. 51.

⁷ *Ibid.* P. 164.

⁸ *Ibid.* P. 126.

⁹ *Ibid.* pp. 11, 40.

¹⁰ *Ibid.* P. 109.

¹¹ Strobe Talbott. *The Master Of The Game: Paul Nitze and the Nuclear Peace*. N.Y.: Alfred A. Knopf, 1988. P. 178.

¹² Richard Perle. *Op. cit.* P. 181.

- ¹³ Виктор Стародубов. Супердержавы XX века. Стратегическое противоборство. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. С. 331.
- ¹⁴ Корниенко Г. М. «Холодная война». Свидетельство ее участника. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2011. С. 301.
- ¹⁵ Там же. С. 302
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Ю. А. Квицинский. Время и случай. Заметки профессионала. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 1999. С. 371, 408.
- ¹⁹ Там же. С. 391.
- ²⁰ Там же. С. 468.
- ²¹ Там же. С. 371.
- ²² Там же. С. 436.
- ²³ *Правда*. 1988, 2 июня. № 154 (25506). С. 2.
- ²⁴ Российский национальный центр по уменьшению ядерной опасности — 20 лет. Авторский коллектив. М., 2007. С. 7.
- ²⁵ Там же. С. 14–15.
- ²⁶ *Коммерсант*. 2011, 4 апреля. № 57. С. 6.
- ²⁷ О российско-американских договоренностях по мерам укрепления доверия в сфере использования ИКТ. МИД РФ. 2013, 18 июня. 1232-18-06-2013. <http://www.mid.ru/bdomp/ns-g8.nsf/4681a749b12257b3432569ea003614e4/44257b100055f92444257b8e002ceea8!OpenDocument> (последнее посещение — 14 октября 2013 г.).